КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ – ОТ ЛОГИКИ К ЯЗЫКОЗНАНИЮ

THE CATEGORY OF NEGATION – FROM LOGIC TO LINGUISTICS

КЛИННИКОВА Н.В.

KLINNIKOVA N.V.

*Читинский Институт Байкальского
Государственного Университета*

Chita Institute of Baikal State University

richi73@mail.ru

richi73@mail.ru

doi: 10.18411/pivsn-57

idsp: pivsn-57

АННОТАЦИЯ

В статье затрагивается проблема взаимосвязи логики и лингвистики, значение критерия оценки истинности и ложности при описании действительности и выражении субъективности, рассматривается соотношение категории отрицания с категорией истинности и ложности, роль категории отрицания в логике и лингвистике.

Ключевые слова: мышление, логика, лингвистика, истинность и ложность, действительность, субъективность, отрицание

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the relationship of logic and linguistics, the value of the truth and falsity criterion in describing reality and expressing subjectivity. The correlation of the category of negation and the category of truth and falsity, the role of the category of negation in logic and linguistics is considered.

Keywords: thinking, logic, linguistics, the truth and falsity, reality, subjectivity, negation

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена, в процессе эволюции, внимание исследователей привлекают многочисленные вопросы, связанные с получением, кодировкой, хранением и передачей информации. Актуальность этой проблемы неоспорима и требует особого внимания в настоящее время, время высокотехнологичных процессов, увеличения объемов информации и повышение скорости ее обработки. Быстрота и точность передачи информации в любой сфере человеческого общения и на любом его уровне получают наибольшую значимость и вызывают интерес у исследователей в разных областях науки. Пользуясь небольшим по объему словарным составом человек создает бесконечное количество смысловых значений, наполняя их сложными оттенками человеческой мысли и чувств, передавая тончайшие нюансы внутреннего состояния, отношения к событию, ситуации, человеку, всему, что окружает человека и проникает в его мышление, т.к. слова, прежде всего, по мнению Дж.Локка, «-чувственные знаки, необходимые для общения» [1].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение механизмов и законов преобразования лексических единиц в зависимости от характера информации и от условий общения является неотъемлемой частью лингвистических исследований. Важно определить способы перехода от мыслительных категорий к языковым структурам, выявить степень их соотношения и описать эти явления с точки зрения лингвистики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение вопросов, охватывающих взаимодействие языка и мышления, требует проведения параллельных исследований и использование методов и достижений

различных наук. Несмотря на то, что проведено множество исследований, проанализировано большое количество материала и получены удивительные результаты, многое еще остается недоступным для изучения.

Мысль как результат внешнего воздействия на организм, проходит дальнейший процесс сопоставления объектов внешнего мира друг с другом, выявления их сходств, различий, временных и пространственных характеристик, причинности и результатов и т.д. В качестве вершины логического развития человеческого мышления, «последнего элемента мысли», предстает умозаключение как форма абстрактной мыслительной деятельности и способ получения новых знаний [2].

«Мышление осуществляется посредством оперирования понятиями. Образование понятий и оперирование ими в составе суждений, умозаключений, доказательств и т.д. невозможно без слова, без языка» [3].

Взаимосвязь логики с языком существует априори. Уже античные философы прослеживают соотношение, или даже отождествление языка, логики и мышления, подчеркивают неразрывную связь между языковыми, логическими и мыслительными структурами. Универсальным средством для выражения мысли считается язык. Термин «логика» (logos) был введен стоиками для обозначения словесного выражения мысли. Однако, первоначально ученые рассматривали только случаи взаимного, гармоничного соответствия языковых и логических категорий, которое неоспоримо существует, так как «мыслительные операции, независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке, ... язык предоставляет разуму средства для того, что принято называть выражением мысли» [4]. «Язык – это непосредственная действительность мысли» [5]. Однако, несмотря на такую тесную связь мышления и языка, они не тождественны. В их союзе и относительной самостоятельности обнаруживается дуализм существования.

Первые исследования в языкознании опираются на законы, выработанные логикой. По мере того, как мыслительные процессы подвергались более глубокому анализу и изучению, что приводило к их абстрагированию, формировались самостоятельные науки, языкознание и логика, определились их границы и цели. Процесс познания осуществляется с позиций каждой из этих областей знания в соответствии с человеческой деятельностью. «Задача логики заключалась в том, чтобы обнаружить и систематизировать выработанные на практике мыслительные схемы осуществления познания, ведущие к постижению истины» [6]. Логика, как наука о законах и операциях правильного мышления, оперирует понятиями «ложное» и «истинное». Мысль является истинной, если она соответствует действительности; мысль, не соответствующая действительности, является ложной. Истинность мыслей по содержанию – необходимое условие достижения верных результатов в процессе рассуждения. Другим необходимым условием является логическая правильность рассуждения. Если это условие не соблюдается, то ложный результат может быть получен и из истинных суждений, что приводит к логическим ошибкам.

Для стихийно осуществляемого процесса мышления были выведены структурные формы, которые позволяли довольно легко переходить к готовым истинам. То, что могло быть проверено лишь на практике, интуитивно или при обращении к здравому смыслу, в рамках логического рассуждения выводится на уровень формул. Однако, выработанные логикой схемы правильного рассуждения, являясь активно используемым инструментарием точных наук, отдалены от гуманитарных областей исследования и не обеспечивают универсального подхода при решении задач, существующих во многих областях человеческой деятельности, не всегда «работают» в реальной действительности. «Логика, изучающая формы и законы общечеловеческого мышления, не интересуется ни эмоциональной, ни волевой стороной сознания, ни формами словесного выражения эмоций и волевых побуждений» [7]. Все эти составляющие человеческого существования,

без сомнения отражаясь нашим сознанием, выражаются языковыми средствами: «понятно, что выражение эмоций в языке не может не быть осознанным» [8]. Логическое описание стремится установить соответствие между словами и окружающим миром, определить истинность или ложность этого соответствия, исключая при этом наличие субъективной оценки. На самом деле, наиболее полное и обширное видение окружающего дают оценочные и нормативные высказывания, которые «не являются истинными или ложными. Их функция – не описание действительности, а направление человеческой деятельности, преобразующей действительность» [9].

Критерии истинности, выработанные логикой, не позволяют дать точного и однозначного определения понятию истина. Эта категория носит относительный характер. Прежде всего, понятие истины служит верному отражению действительности. «Исследовать истину в одном отношении трудно, в другом легко. Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, право ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина» [10].

На неоднозначность применения понятия истинности и ложности относительно некоторых предложений без учета мыслимой ситуации субъекта речи указывают Дж.Лакофф и М.Джонсон. Предложения при таких условиях рассмотрения становятся ложными или бессмысленными. «Мы понимаем предложение как истинное, когда понимаем, что предложение достаточно тесно соотносится с пониманием ситуации» [11].

Не только ситуация, по мнению Д.Болинджера, но и интенциональное намерение говорящего расширяют сферу влияния понятия истинности. Т.е. истинным будет все то, что определяется конкретной речевой ситуацией, а также личностью говорящего – субъектом речи, его желаниями и способностью более или менее верно отражать эту ситуацию. «Истина (правда) – это такое свойство языка, которое дает нам возможность информировать друг друга» [12].

Истинность или ложность выводятся через процессы субъективного восприятия и анализа окружающего мира, субъективного опыта. «Нет ничего в природе символов, указывающее нам, какой из них является истинным, а какой ложным. Если бы было, вы могли бы познавать правду о мире, изучая лишь пропозиции и не оглядываясь вокруг» [13]. Именно наличие субъективного фактора позволяет понимать категорию истинности как относительную, даже по отношению к какому-либо факту. «Вы не можете просто назвать факт. Единственное, что вы можете сделать, это принять его, или отрицать его, или восхититься им, или внушить его, или захотеть его, или спросить о нем...» [14]. «Логическая истинность, - по мнению Н.Д.Арутюновой, - не имеет дела с прагматическими факторами: в естественном языке они не могут не приниматься во внимание» [15].

С точки зрения логики мышление должно отражать истинное положение окружающей реальности, язык же, являясь самой развитой и общедоступной формой хранения и передачи информации, а самое главное, формой человеческого общения, посредством мыслительных процессов преобразует окружающий мир, представляя его результатом субъективного осмысления. Мыслительные операции в логических механизмах анализа находят свое выражение в языковых формах, тогда как языковой анализ, опираясь на законы логики, в итоге наполняется мыслительным содержанием. Существуют определенные законы «правильного» и «неправильного» мышления, которые благополучно существуют в языке и принимаются им. Именно в тот момент, когда мы обращаемся к языку, начинаем изучать его законы и механизмы, мы сталкиваемся с относительностью логических законов. Они имеют значение постольку, поскольку способны указывать на «здоровость» мысли, как законы, так и ошибки: «...язык может вполне успешно функционировать без каких-либо средств, выполняющих работу «истинного» или «ложного» [16].

С категорией истинности и ложности связано еще одно сложное понятие «отрицание». Прежде всего, это понятие связывают с логикой, а именно, с формальной логикой как наукой, изучающей законы и формы правильного мышления. В формальной логике отрицание представляет собой логическую операцию, противопоставляющую истинному суждению неистинное, ложному суждению – неложное, операцию, указывающую на несоответствие предиката субъекту или образующую дополнение к данному классу.

Общепринятое понимание отрицания как противоположность утверждению восходит к Аристотелю, который под отрицанием понимает такую логическую форму, которая показывает, что вещь сама по себе не имеет чего-то, что ей свойственно иметь по природе.

Как у логиков, так и у лингвистов существует множество теорий, объясняющих как значение категории отрицания, так и ее функционирование. По мнению А.Д.Гетмановой, в логике средства выражения отрицания значительно беднее. Языковедческий подход оказывается более широким, «так как в его пределах рассматривается все функционально-семантическое поле отрицания (негативности, негации)» [17]. «Употребление отрицательных средств в предложении может преследовать совсем иные цели, чем выражение отрицательного суждения», - считает Е.И.Шендельс.

По мнению Ю.С.Степанова, «языковая категория отрицания служит для реализации универсальной категории отрицания, выражающей весьма четкое отношение говорящего к содержанию высказывания».

В.З.Панфилов указывает на то, что понимание общего и частного отрицания у логиков и лингвистов различно.

А.Вежицкая выделяет модальный характер отрицательных конструкций: «Я бы предложила рассматривать понятие отрицания как соотнесение в конечном счете с понятием желания (the concept of will). «S is not P» фактически означает более или менее близкое к «Я не хочу утверждать, что S is P».

Психологическая концепция объясняет отрицание как порождение различных психических реакций говорящего. Так, Ж.Гиннекен отождествляет отрицание с выражением чувства сопротивления (le sentiment de la résistance) или запрета (le sentiment de la défense) по отношению к чему-то положительному. Б.Дельбрюк сводил значение отрицания к выражению чувства разочарования, контраста по поводу отсутствия ожидаемого явления. О. Есперсен в понятие отрицания вкладывал чувство отвращения. В.Хаверс, сторонник аффективной теории языка, согласно которой язык есть, прежде всего, выражение душевных волнений и возбуждений, значение отрицания усматривал в выражении чувства нежелания и отвращения.

Сторонники прагматической концепции отрицания рассматривают эту категорию как выражение некоего отклоняющего, опровергающего отношения говорящего к высказанному, пресуппозицию которого составляет его утвердительный коррелят.

Факт существования разнообразных концепций, пытающихся дать определение понятию отрицания, объяснить природу этой категории, подтверждает неоднозначность понимания этого явления.

Учитывая роль языка, как средства выражения того или иного соотношения с действительностью, а также усилившееся в настоящее время изучение речевой деятельности человека, употребление им языковых средств с целью, прежде всего, передачи информации, а также выражения своих эмоций, своей оценки и т.д., позволит расширить понимание категории отрицания, а в рамках прагматического подхода – описать функции этой категории в процессе общения. Так, по мнению Д.Уилсон, «...хорошим основанием для отрицательного утверждения могло бы послужить нежелание говорящего утверждать р не потому, что оно ложно, а по совершенно иным

причинам» и далее «... такая интерпретация все же должна оказаться правильной и не затрагивать существующих условий истинности» [18].

Пытаясь дать определение отрицанию, ученые неизбежно соотносят его с утверждением, а точнее определяют его через утверждение. Скорее следует принимать отрицание как один из двух способов выражения мысли, изначально заложенных в сознании и мышлении человека. В утверждении и отрицании заложен двойственный характер всего сущего. «В затруднительных ситуациях, в которых оказывается человек и для использования в которых предназначен язык, мы можем пожелать говорить о положениях дел, которые не наблюдались и не находятся под текущим наблюдением,» – считает Дж. Остин [19]. Утверждение и отрицание, выступая с одной стороны взаимосвязанными и взаимообусловленными, с другой – взаимоотрицаемыми, позволяют производить переход одного явления в другое качество. В подтверждение этой мысли можно привести слова Гегеля: "Положительное, взятое для себя, лишено смысла, оно непременно соотнесено с отрицательным". Естественный язык, обладая богатством и разнообразием средств выражения отрицания и утверждения, использует их по своей «прихоти», иногда одно вместо другого, однако всегда совершенно точно и однозначно выражая или отрицание, или утверждение, в полном соответствии с правилами каждого логического модуса.

Прежде всего, отрицательные формы предложений позволяют расширить номинативные возможности языка, позволяющие обозначить такие сущности, которые не способно назвать утвердительное предложение. Согласно высказываниям И.П.Сусова, «отрицание есть мыслительный акт, который предполагает наличие готовой или почти готовой пропозиции о какой-то единичной ситуации и вносит в это образование коррективы, обуславливая своего рода «зачеркивание» данного мыслительного образования в целом или же в его отдельных частях». В результате «зачеркивания» происходит «утверждение небытия» [20]. Изучение высказываний с отрицанием как минимальных единиц речи позволяет определить коммуникативные цели говорящего, решить проблему взаимопонимания говорящего и слушающего в процессе речевого общения. Говорящим всегда производится выбор речевого действия с использованием тех или иных языковых средств при учете всех составляющих коммуникативной ситуации, а также представлений результатов, к которым должно привести совершаемое действие. Высказывание с отрицанием наряду с остальными выступает в качестве важного элемента речевого общения.

Так В.Г.Гак в «Теоретической грамматике французского языка» наряду с первичными функциями французского отрицания, при которых выражается общее или частное отрицание, описывает также вторичные, выражающие смягчение, вежливость, эвфемизм и другие оттенки отношения говорящего [21]. Кроме того, отрицание в высказывании служит средством установки на внимание, проверки понимания и правильности понимания собеседником высказанной мысли, а также как средство экспрессивности. Более того, в некоторых коммуникативных ситуациях отрицание используется говорящим в качестве заготовки для адресата, позволяющей сделать выбор при ответе в соответствии с его коммуникативными или прагматическими целями.

Таким образом, расширяется смысловая информативность данного грамматического явления и усиливается необходимость его использования в речи для осуществления немерений говорящего, так как, «... попадая из линейной системно-структурной плоскости в прагматическое объемное пространство, языковая единица обнаруживает новые, существенные для деятельности общества черты, признаки, свойства» [22]. Отрицание выступает в качестве коммуникативной категории, отражающей общечеловеческие, жизненные и ситуативные факторы. Выбор отрицания в процессе общения как коммуникативной категории правомерен и обоснован, что подтверждает ее жизнеспособность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Являясь эгоцентричным по своей природе, процесс познания в своем эволюционном развитии прошел этапы трансформации мыслительной деятельности от статичного наблюдательно-познавательного характера исследования до преобразовательно-деятельностной активности. Человеческая деятельность переходит от процесса наблюдения за природными явлениями к управлению ими. Цели говорящего от простого сообщения о положении дел в реальной действительности расширяются до намерения воздействовать на поведение или сознание слушающего, изменить его точку зрения или заставить выполнять определенное действие. Конвенциональный аспект словоупотребления, связанный с собственно языковыми структурами, начинает взаимодействовать с обстановкой общения, с поведением коммуникантов, с целевыми установками отправителя речи, с выбором тактики речевого общения. Вследствие чего значительно расширяются исследовательские рамки процесса коммуникации и кроме языковых средств выражения включают ряд экстралингвистических факторов: ситуацию речевого общения, адресата и адресанта, взаимодействие говорящих в процессе коммуникации, языковую компетенцию участников речевого общения, их целевые установки, индивидуальные особенности пользования языковыми средствами, речевой этикет и другие.

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. В кн.: Локк Дж. Собр. соч. в 3 томах. Т.1. М.:Мысль, 1985. – 622с.
2. Сеченов И.М. Избранные философские и психоологические произведения. М.: ОГИЗ, 1947. – 648с.
3. Горский Д.П. Роль языка в познании. В сб.: Мышление и язык. М.: Госполитиздат, 1957. – 408с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. [Пер. с фр.] Под ред., с вступит. ст. и коммент. Ю.С.Степанова. М.:Прогресс, 1974. – 447с.
5. Ивин А.А. Логика: Учебник для гуманитарных факультетов / А.А.Ивин. – М.: Фаир-пресс, 2002. – 320с.
6. Глазунов О.И. Логика метафорических преобразований /О.И.Глазунов. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 190с.
7. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания // Вопросы языкозн., № 1, 1954, С.3-24.
8. Там же.
9. Ивин А.А. Логика, М.: Знание, 1997. – 240с.
10. Аристотель. Метафизика. В сб.: Аристотель. Собр. соч. в 4 томах. Т.1. М.: Мысль, 1975. – 552с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. В сб.: Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. – С.126-170.
12. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая. В сб.: Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. – С.126-170.
13. Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. В сб.: Russell B., Logic and Knowledge. Essays 1901-1950. Ed. by R.C.Marsh, Capricorn Books, G.P.Putnam's Sons, New York, 1971.
14. Там же.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896с.
16. Остин Джон. Избранное. Перевод с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.:Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332с.
17. Гетманова А.Д. Отрицание в системах формальной логики. М.: МГПИ (учебное пособие), 1972. – 139с.
18. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. Перев. с англ. АН.Баранова // Новое в зарубежной лингвистике, № 23. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В.Петрова и В.И.Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – 320с.
19. Остин Джон. Избранное. Перевод с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. – М.:Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332с.
20. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения. В сб.: Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. научн. трудов / Редкол.: И.П.Сусов и др. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1989. – 161с.
21. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000.- 832с.
22. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.:Рус. яз., 2002. – 216с.